

Анна Евдо

ИЦА

18+

Анна Евдо ИЦА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65989606

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95331-4

Аннотация

Однажды он мимоходом сказал ей: «Рычи и действуй! Хватай что под рукой и бей. Пусть тебе достанется. Но и от тебя достанется! В следующий раз побоятся тронуть. А то, что ты в два раза меньше, от тебя сильнее отпугнет. Ненормальных боятся. Страх – он, порой, побеждает силу. Запоминай, если выжить захочешь». Ей исполнилось десять, ему – восемнадцать. И она запомнила. Билась за себя следующие десять лет. А потом встретила его снова.

Содержание

1 глава. Пигалица	4
2 глава. Подарок на день рождения	11
3 глава. Самостоятельно	18
4 глава. Самый лучший в мире друг	24
5 глава. Действительно настоящее	32
6 глава. Движение	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Евдо ИЦА

1 глава. Пигалица

– ...ица!!! – осколком долетело вслед рванувшей с крыльца худенькой девчужке.

Голые ноги сверкнули, когда силуэт-стебелёк взлетел по тяжёлой деревянной приставной лестнице на сенник. Там, в глубине, одна из досок стены давно раскачана, и она незаметно протискивалась в зазор, чтобы оказаться на крыше стайки, с неё на забор и крапивным проулком прочь от дома. Можно и в сене пересидеть. Мачеха побоится лезть на самую верхотуру. Но так не хотелось слушать её крики даже оттуда. «Пигалица», «нахлебница», разбавляемые «дрянью», «сучонкой». Пару раз прилетало «отродье», за что её неожиданно осадил отец. Нет, не в защиту дочери – бабий язык не мог посметь даже косвенно оскорбить его как мужика. Дочь могла быть не угодна ему самому, но его отродьем её назвать, значило схлопотать оплеуху в ту же секунду. И мачеха оттачивала свои ругательства, обходя стороной тяжёлое недовольство руки мужа.

В проходе между заборами, как всегда, ждал надёжный Васька. Он был её одноклассником и единственным, зато

настоящим другом. С той самой встречи первого сентября в первом классе, со дня их знакомства, он восхищался её бесстрашием и небоязнью высоты. Она ценила его молчаливость и преданность и никогда не смеялась над ним. У каждого могут быть свои страхи. Он боялся подъемов, прыгать в речку с мостков, смотреть вниз с обрыва. Куда бы ни было нужно залезть, забраться, перескочить – всегда отвечала она. Зато внизу её несомненно ждал Васька. Они сблизились за этот учебный год и встретили лето, предвкушая свободу, прогулки и занятия своими делами без уроков и назойливых старших, которые их не трогали, лишь бы дети не мешались под ногами.

Она босиком улепётывала от своей дурной мачехи, а он ждал её в проулке, в сорняках, с её сандалиями. За время своих вылазок они основательно примяли буйную траву, сгладили кочки и местами наложили гладких досочек, чтобы обеспечить проходимость всем своим путям отступления и возможность пронырнуть по узким ходам, которые были известны только им двоим, и не пораниться, не запнуться, не наступить на что-то неожиданно. На протяжении их походов всё было подмечено и изучено, та самая соломка из поговорки была подстелена. Они могли положиться друг на друга. В свои семь лет ребята точно знали, что такое положиться друг на друга, быть уверенным в другом. Даже несмотря на то, что некоторые взрослые показывали им совершенно иную сторону этого самого доверия.

– Сильно досталось? – услышала тихий шёпот товарища, когда спрыгнула вниз.

– Переживу, – отмахнулась, принимая от него свою изрядно поношенную обувь и натягивая её на босые ноги.

В пять лет она стала сиротой. При отце, которому не был обузой ребенок, приученный убирать и следить за собой, за которого ему полагались пусть небольшие, но льготы. Он не лез к ней с расспросами и поучениями и не замечал противостояния между новой женой и дочерью, списывая их стычки на женские заморочки обеих.

Она помнила образ мамы, но совершенно не могла воспроизвести в памяти её лицо. Не представляла ни её руки, ни длину пальцев, ни особенности ногтей, зато ощущала их прикосновения и поглаживания по волосам. Тогда у неё были длинные волосы. После купания мама сначала сушила их полотенцем, затем разглаживала ладонями и только после бралась за расчёску. Больше некому помогать ей их прополаскивать, тем более заплетать. И она привыкла ходить с короткой стрижкой, часто даже не каре, а под мальчика.

Мама любила задевать её, проходя мимо, ставя перед ней тарелку с супом или укрывая одеялом. Наверное, она исчерпала отмеренное ей количество объятий и обниманий за те пять лет рядом с мамой. Больше никто её не обнимал, да она и не хотела, сторонясь любого физического контакта. Правда, могла положить голову на плечо Ваське, ожидая подрагивания поплавка на рыбалке, и принять его руку помощи,

когда они перелезали через болотце в лесу.

Ещё одно яркое и очень чёткое воспоминание: мама шьёт, вокруг разложены ткани, коробочки с пуговицами, крючками, заклёпками, шкатулка с нитками и ленточками. Мама творила волшебство. Она не помнила маму внешне, но ощущение того волшебства жило в ней. Она научилась мастерить одежду кукле и вязаной собаке, набитой ватой, зашивала дырки на своих колготках и штанах Васьки. Когда она закончит школу, то поедет учиться на швею. Обязательно. Но об этом знает только она и Вася. Другим же знать совсем не нужно.

Сегодня утром её отхлестали сырым полотенцем и лишили завтрака. Она помешала продать швейную машинку мамы. Услышала накануне разговор Лидки с отцом и спрятала её в гараже. Из последних силёнок тащила ночью, стараясь не шуметь. Васька помог на улице. Сложили, завернув в какую-то дерюгу, в одну из коробок, которые десятками пылились у отца и в которые никогда не совала свой любопытный нос мачеха. Её лупили, но она молчала и даже ни разу не пикнула. Синяки заживут, на сеновале припрятаны сухари и пачка сока, которую она сберегла из школьной столовой. Отец ожидаемо махнул рукой на причитания мачехи. При этом, не попрекая дочь, но и не мешая Лидке воспитывать «упёртую козу». Она умела терпеть. Научилась и лишь изредка срывалась, как сегодня. Могла бы и дальше переждать, стиснув зубы, но, когда злющая гадина выплюнула, что её

мама была глупой самоучкой, резко дёрнула за конец тряпки в руках мачехи и зашвырнула той за спину. Пока Лидка остолбенела от неожиданного отпора, она юркнула в сени и, не останавливаясь, помчалась дальше по проверенному пути.

Когда не стало мамы, её мир исчез. Он не рухнул, не изменился, его просто не стало. Пустота. Она стала невидимкой, которую пара сердобольных женщин погладили по головке на похоронах, в то время как остальные односельчане отводили глаза, избегая смотреть на маленькую и никому больше не нужную девочку. Она никогда не обременяла отца, который большую часть времени проводил либо на работе, либо в гараже, ел и уходил в свою комнату. Он не знал, что делать с девчонкой. Был бы пацан, сам бы прибил к нему. А дочь, он морщился, как от ноющей зубной боли, – будущая баба. Пусть дома сидит да к хозяйству привыкает. Но на людях он соблюдал принятые условности. Водил её в садик.

Воспитатель, одна из тех сочувствующих женщин, периодически напоминала ему, что девчушка выросла из куртки, сапожки стали малы, и забирала девочку к себе по вечерам, когда он задерживался на работе. Она любила такие вечера, потому что в доме Марь-Михалны кормили горячим ужином и поили сладким чаем. И всегда давали с собой на утро печенюшку. Она помогала кормить кур, составлять к тазу грязную посуду. Ей нравилось, как чисто было дома у воспитательницы, и она старалась протирать стол и подоконники до-

ма, подметать пол и перестилать постели. Ей нравились цветы, и ей разрешали их поливать, обирать завядшие листочки, рыхлить землю. Однажды воспитательница подарила ей герань в маленьком стаканчике из-под сметаны. Позже она развела собственный цветник, мастера цветочные горшки из ненужных пластиковых бутылок, обрезая их и ровно обматывая вкруговую веревкой. Все цветы, даже из малюсенькой семечки, приживались и бурно расцветали в её заботливых руках.

Прошлым летом в их доме появилась Лидка. Сначала вела себя тихо и делала вид, что интересуется девочкой. Однако, быстро смекнула, что отцу нет до неё дела, и прекратила фальшивые попытки наладить контакт. Грузила работой, оставляя на ребёнка накопленную за день грязную посуду, чтобы потом попрекать плохо отмытыми кружками и вилками, с насохшими остатками пищи на которых не справлялись детские ручки. Отправляла в магазин и придиралась к не верно принесённой сдаче. В ход шли подзатыльники, шлепки, толчки за любую реальную или выдуманную провинность. Пока девочка ходила в детский сад, мачеха вела себя осмотнительнее, стараясь не оставлять синяков и отметин на её теле. А как началась школа, освоила щипки. Ногтями с выкручиванием. Порой до царапин и постоянных кровоподтёков. Их она не показывала даже Ваське. Не жаловалась, скрывая отметины, потому что отчего-то было стыдно. Стыдно за отца, взрослую тётку и свою молчаливую ненуж-

НОСТЬ.

2 глава. Подарок на день рождения

– Анечка, с днём рождения! – Мария Михайловна приобрела девочку с колким взглядом.

Та кивнула и пробормотала «спасибо» в пышную тёплую грудь своей бывшей воспитательницы. Вытянулась, худенькая, острая, движения летящие, не плавные, но и не режущие.

– Забегай ко мне через час, хорошо? – пригласила, отстранившись и продолжая удерживать её за плечико.

Между ними сохранялась негласная традиция отмечать её день рождения, о котором не помнили или специально не вспоминали ни отец, ни мачеха. Марь-Михална пекла торт или другие вкусняшки. Вечером прибегали Аня с Васей и вместе с её ребятишками чаёвничали, смеялись, обязательно задували свечу – всегда одну, девчушка не разрешала больше. Но сегодня они нарушат наложенный запрет. Женщина купила единицу и ноль и приготовила подарок. Следуя заведённой традиции, она дарила ей что-то самодельное, непокупное: шарф, варежки, новый саженец. Она была уверена, что нынешний подарок придётся к душе. И они непременно поведут «каравай».

– Забегу, – кивнула русой головой. – Вы же не примете отказ.

– Негоже нарушать то, что в радость всем, – мягко заме-

тила воспитательница и отпустила её от себя.

Васька зашёл за ней и подарил целых две шоколадки и две пачки сока из той же школьной столовки. Она поднялась на сеновал, припрятала богатую заначку и, улыбаясь, заспешила на свой праздничный чай.

– Как думаешь, что за угощение будет? – спросил Васька.

– Не знаю, – она пожала плечами, – всё равно будет вкусно.

– Это точно, – поддакнул он.

Она не произносила вслух, но себе признавалась, что внимание Марь-Михалны было ей приятно и очень дорого. Васька догадывался, но молчал и не лез в душу.

Аня с Васей пришли ровно через час. Над сенями был приколот нарисованный красками плакат с разноцветными шариками и надписью «С днём рождения!» Дядя Коля сграбастал именинницу в медвежьи объятия и вручил белую лилию на длинном толстом стебле. Она покраснела и уткнулась носом с запашистые лепестки. Выбежали Димка с Алкой и запрыгали вокруг, подталкивая её в дом.

– Заходи-заходи, мама нам не показывает, но пахнет так, что слюнки текут, – тараторили наперегонки.

Стол на кухне был накрыт кружевной белой скатертью, красиво расставлены праздничные кружки и тарелки, снизу одна побольше, на ней другая поменьше, рядом с ними сверкали блестящие тонкие ложечки, белые салфетки в воздушных шариках, пузатый заварник и сахарница.

Мария Михайловна хлопнула в ладоши:

– Мойте руки и решайте, только сладкое или сначала курица с картошкой.

Все потянулись к умывальнику. Аня аккуратно поставила на табурет принесённый пакет.

– Там алоэ, который Димыч сломал. Он ожил. Я ему землю заменила и горшок почистила.

Женщина погладила её по руке и перехватила лилию:

– Умница, спасибо. Я твой цветок в воду поставлю.

Всем не терпелось увидеть и попробовать десерт, поэтому, как только они расселись за столом, Мария принесла из комнаты большой поднос, накрытый высокой картонной крышкой. Ане выпала честь открыть сюрприз. Она чувствовала, как подрагивают пальцы и замирает всё внутри в ожидании. Под крышкой оказался невообразимых размеров торт-муравейник с красующимся по центру серебристым числом «10». Она не могла оторвать от него глаз. Часто заморгала, пытаясь унять волнение, и улыбнулась затихшим вокруг людям.

– Теперь тебе столько лет, что одной свечкой никак не обойтись, – немного сипло проговорила Марь-Михална и незаметно ткнула в бок мужа. Он поднялся и достал из кармана зажигалку.

– Ну что, Анютик, загадывай двойное желание.

Она заворуженно смотрела на играющие огненные язычки и просто хотела, чтобы этот момент не заканчивался. Что-

бы рядом сопел Васька, нетерпеливо ёрзали дети хозяев дома, а они сами с теплотой смотрели на неё. Глубоко вдохнула, загадала желание, вернее, повторила про себя своё давнее желание о том, чтобы уехать в город и выучиться швейному делу, и задула свечи. Все дружно прокричали нестройное «ура» и подставили тарелки для своего кусочка торта. Наевшись изумительной домашней выпечки и напившись душистого чая с мятой и смородиной, они высыпали в ограду, где ей спели «Каравай», оставив только допеть «*я люблю, конечно, всех, ну а ... лучше всех*». Она обвела всех ясным взглядом, добавила «*не могу выбрать*» и просто встала в общий круг, разбив сцепку Васьки и Марь-Михалны.

Надышавшись воздухом гостеприимного двора, они с Васей засобирались по домам. Вдруг в руках воспитательницы появилась коробка в бумаге с изображением воздушных шариков. Девочка не заметила, откуда она взялась. Все застыли.

– Анечка, какой же день рождения без подарка? Это тебе.

Она пыталась сглотнуть воздух, который застрял в горле и сделался густым и вязким, как желе.

– Открывай! – захлопала в ладоши маленькая Алла, прыгая не месте.

Она бережно отлепила нарядную упаковку, медленно отогнула картонные бортики и обомлела. Внутри спрятался рюкзачок из джинсовки, с плотными лямками и вышивкой неброскими более тёмными синими нитками в виде цифры пять на внешнем кармашке. Она провела по выпуклому ри-

сунку подушечками пальцев.

– Ты отличница. Пусть в твоей жизни всё будет на пять: дружба, учёба, достижение цели.

– Вы сами сшили? – она приподняла рукотворное чудо повыше, разглядывая аккуратные строчки швов.

Мария Михайловна кивнула и обняла её. Аня обняла её в ответ и в очередной, тысячный раз прошептала «спасибо».

– Давай положу тебе в него кусок торта на утро – и бегите к себе.

Дома, не успев войти в калитку, она услышала окрик мачехи из окна:

– Принеси воды.

Второй год, как они перестали говорить элементарное «с днём рождения», не то, что дарить подарки или устраивать праздники. Она закинула рюкзачок со сладким сокровищем в тайник в сеннике. Подхватила ведро и отправилась к уличному колодцу. Полное было тяжело нести. К тому же студёная вода попадала при ходьбе на ногу. Поэтому она носила по половине ведра и делала четыре ходки, чтобы наполнить питьевой жбан.

Аня несла третью часть, когда Лидка резко распахнула дверь дома. Она отшатнулась и пролила немного на дорожку. Мачеха выдернула ведро и плеснула из него прямо на девочку.

– Раскорячилась тут!

Вода пропитала футболку и обжигающе потекла за шиво-

рот. Она зарычала. Обе не заметили незнакомого взрослого парня, прошедшего во двор через приоткрытые ворота.

Он договорился встретиться с друзьями у соседского заброшенного дома. Обнаружил, что разболталась боковая подставка на мотоцикле, и зашёл попросить инструменты и воды. Увидел разыгравшуюся сцену, вырвал ведро из рук женщины и выплеснул на неё остатки. Та задохнулась от холода и столь бесцеремонного вмешательства. Стояла, прижимая руки к промокшей груди, и хватала ртом воздух.

– С-с-сдурел что ли! П-п-пошёл вон отсюда! – провизжала, заикаясь.

Парень был худощавым, но в нём ощущалась сила и какая-то дикость. Он зыркнул на мачеху, прищулив серые глаза, качнул головой с очень коротко подстриженными светлыми волосами, и она замолчала.

– Его-ор!!! Ты чего там застрял? – слышались с улицы крики и звуки клаксонов. – Погнали! Восемнадцать тебе не каждый день исполняется!

Он перевёл взгляд на девчонку. *Стоит, дрожит, вытянулась вся, а глазницы голубые горят.*

– А ты, мелкий дохлик, рычи и действуй! – наклонился и сунул ей поднятое с травы коромысло, которым она не пользовалась – слишком давило худые плечи, ловчее в руке ведро нести. – Хватай, что под рукой, и бей. Пусть тебе достанется. Но и от тебя достанется! В следующий раз побоятся тебя тронуть. А то, что ты в два раза меньше и ненормальная та-

кая, здорового лба от тебя сильнее отпугнёт – решит, что ты без башни или психованная, такие и глаза выцарапать могут. Страх – он, порой, побеждает силу.

Ещё раз глянул на замершую мачеху и ушёл, бросив напоследок:

– Запоминай, Жихарка, если выжить захочешь.

И она запомнила.

3 глава. Самостоятельно

С того дня и непривычного наставления случайного свидетеля она никому не давала спуска. Мачеха стала её побаиваться. Корчила недовольную мину, продолжала выдавать задания, бурчала, попрекала, но ограничивалась словами и не применяла никаких физических воздействий. Помнила дикий взгляд маленького зверёныша, который точно был готов замахнуться тяжёлым коромыслом и приложить им её, куда придётся.

Аня совсем коротко остригла волосы, чтобы не мешали и не отвлекали лишний раз. Записалась в спортивную секцию общего физического развития при школе, легко бегала и прыгала. Правда, на канате и турнике долго висела мёртвым грузом, пока тренер не пригрозил по попе шлёпнуть для ускорения. Он же взялся отдельно учить девчонку приёмам самозащиты.

– Ты мелкая, Ань. Так сделай это своим преимуществом. Будь вёрткой, быстрой, учись просчитывать, проскальзывать, низом уходить и сбивать противника с ожидаемого пути.

С Васькой они по очереди метали в лесу ножи. Выбирали мишень – то кольца на спиле старого пня, то пятно на стволе дерева – каждый раз усложняя собственные цели и подначивая друг друга. Собирали и приносили разные банки, рас-

ставляли их на корягах и нижних толстых ветках и стреляли на меткость. Сначала из рогаток и самодельных луков, а как подросли, перешли на настоящие ружья.

С четырнадцати лет Аня ходила на охоту с дядей Колей, в зайцев и уток попадала без промаха. Приносила гордо, как добытый в бою трофей, и помогала Марь-Михалне их ощипывать и потрошить.

Однажды Алка заплакала, увидев маленького щенка, попавшего под машину. Аня бережно собрала разбитое тельце в пакет. Они вместе похоронили его в старой обувной коробке на склоне берега реки, обложили холмик камешками и засыпали белыми головками каши.

– Тебе же жалко этого пёсика? – всхлипывала младшая девочка, уткнувшись в плечо Ани.

– Очень, – шмыгнула носом старшая.

Принёсший лопату и оставшийся с ними Димка отвернулся к воде.

– Как ты можешь плакать о щенке и сама же убивать уток и заек? – подняла к ней свои опухшие глаза девчушка.

– Аленькая, это такой закон жизни. На выживание. Собаки охотятся с человеком вместе на тех же уток. Просто для развлечения я никого убивать не буду. Но добыю ту же собаку, если без шансов для неё выжить. Похороню, как этого безымянного бедолагу. И накостыляю тому, кто его сбил, если узнаю.

Она несколько раз видела издалека того взрослого парня,

Егора. Непроизвольно примеряла его имя к другим, но никому оно так не подходило, как ему. Резкое, краткое и значимое. Как и он сам, каким запомнился ей, девочке, впервые получившей защиту и поддержку в тот самый момент, когда их так хотелось и совершенно не ожидалось. Он жил в соседнем посёлке, но его группировка рассекала на мотоциклах по всей округе. Их уважали, боялись и слушались.

Из-за него Аня обратила пристальное внимание на мотоциклы. Заинтересовалась ими и вместе с Васей разобралась с отцовым старым мотиком, по округе ездить начала самостоятельно с пятнадцати лет. Недаром мотоциклы сравнивали с железными конями. Определённо, была в них своя породистость. Рёв, скорость и манёвренность. Возможно, так ей казалось со стороны, когда на своём мотоцикле проносился Егор. Уже несколько лет, как парень перебрался в город. Она узнала от пацанов, с чьими старшими братьями он дружил. Сначала по его примеру, а позже она сама пропиталась привязанностью к этим рычащим машинам. Освоившись, почувствовала, что с мотоциклом можно было слиться воедино, вжаться грудью в бак, словно в лошадиную шею, сжать ручки руля, сдавить ногами бока и ударить шпорой, выбивая все лошадиные силы в галоп.

Васька гонял её по бездорожью, по полям, заводил в лес. Она ловила паутину, хлёткие ветки, отбивала мягкое место и промежность на кочках и колдобинах, корнях и выбоинах, вылетала из седла пару раз, на что приятель лишь подзужи-

вал, что будь она парнем, взбила бы яйца в пышную пену, а так её девчоночность – преимущество и фора перед мужиками. Наевшись пауков и иголок, она научилась их обходить и рот держать на замке. Мальчишки называли её дикаркой, но уважали, что наравне с ними моталась, порой не выбирая дороги, на грязь и дождь никогда не жаловалась, не ныла по девчачьим пустякам.

Девчонки, наоборот, её сторонились. Поглядывали, шушукались за спиной, но напрямую не шли ни на контакт, ни на конфликт.

Голос Ани с детства, от природы, был, на удивление, низким для её тщедушного тела. Фигура менялась, а голос оставался прежним. Она носила короткую стрижку, не пользовалась косметикой, ходила чаще в штанах и свободных футболках. Правда, следила, чтобы ногти не отрастали и всегда оставались чистыми. Терпеть не могла грязные руки с чёрными ободками на пальцах, как и немытые волосы и тела. *«Слаще морковки ничего не едала, а туда же, в чистоплюйки метит. Баню и горячую воду ей подавай каждый день. Было б для кого. Да кто хоть глянет на такую доску, везде плоскотня»* – гундела под нос мачеха, но не мешала. Со временем Аня привыкла к её брюзжанию и игнорировала его, как нечто неизбежное, но не опасное.

Иногда думала, что ей было бы проще быть мальчишкой, но здесь она ничего не могла изменить. Поэтому радовалась, что её тело не устроило ей сюрприз и не выпатило привыч-

ные явные женские формы. Талия, да, обозначилась чётко, но мешковатой одеждой её очевидность удавалось сглаживать. Ну и женские дни выбивали из колеи на полдня. Она помнила, как проснулась в свой одиннадцатый день рождения от непонятного тянуще-болезненного ощущения внутри, как прибежала к Марь-Михалне и, задыхаясь от бега и страха, прижимала руки к животу и спрашивала шёпотом, умрёт ли она. Марь-Михална усадила её тогда к себе на колени, качала и тихонько объясняла, что от этого не умирают и что теперь делать, а ещё сердилась на себя, что всё откладывала этот разговор, чем так напугала Анюту.

Как-то раз одна цаца вздумала приревновать своего парня к ней, но быстро успокоилась.

– Аньк, ты уже сама на мальчика стала похожа, – завела разговор девица, когда пыталась прощупать, грозила ли ей опасность со стороны этой странной девчонки, вхожей по-свойски в компанию парней.

– Тебе что за дело? – уколола её взглядом Аня. – Если из-за Матвея своего переживаешь, так могу ему леща отвесить, коли будет на других заглядываться. Но пока он видит только тебя.

Та разулыбалась и отстала. Аня же при случае напомнила Матюше, куда свои зенки спрятать и руки засунуть, когда он пытался свою куртку ей на плечи накинуть и полапать якобы невзначай.

Со временем она оценила, что прижиматься вплотную к

мотоциклу желаннее, чем к похотливым потным и прокуреным мужикам, которые пробовали распускать руки. Однажды поздно вечером собутыльник отца вышел на улицу в туалет и зажал её в сарае. Она даже испугаться не успела, так противно стало. В нос ударил запах водки, что-то мерзкое зашарило по ней проверить мальчик она или девочка. Она наощупь схватила первое попавшееся, огрела вонючую тушу ручкой от молотка и укусила за ухо. Мужик, матерясь, завалялся в лопаты и какие-то хозяйственные инструменты, и до кучи получил граблями в лицо. Шум поднял такой, что отец с мачехой из дома выскочили. Тот хоть и пьяный, а смекнул, что отхватить может за то, что дал волю рукам не с той девочкой. Запричитал, что, мол, споткнулся и упал в открытую дверь. Аня скрылась в темноте и ускользнула к Ваське на чердак. Домой заходить было тошно. Засыпала в душистой соломе в ту ночь с мыслями о том, что продержаться в постылом доме осталось всего пару лет, и дальше она будет официально вольна жить полностью самостоятельно.

4 глава. Самый лучший в мире друг

В старших классах Васька оборудовал свой старый сарай под гараж-мастерскую.

– Не могу понять, что именно ты делаешь, но, похоже, у тебя просто волшебные руки, – повторяла Аня, помогая ему прибираться и раскладывать кучу всякой всячины на полки.

Древние транзисторы начинали звучать, лишь только Вася брал их в руки, громоздкий патефон кружил иголку, наполняя мелодией всё пространство, батарейки и аккумуляторы заряжались, постояв рядом с его ногой, двигатели оживали, лампочки светили, провода спаивались. Он лишь усмехался в быстро и неровно отраставшую щетину и по обычаю молчал на все хвалебные высказывания в свой адрес.

Аня, наконец, откопала мамину швейную машинку в отцовском гараже. Вынесла её открыто, не таясь, чтобы переселить в дом к Марь-Михалне. Не боялась, что мачеха попытается отобрать, но, если оставить дома, та могла бы испортить.

Отец стоял во дворе и курил. Девушка вышла из гаража. Остановилась, хотя он не преграждал ей путь. Посмотрела ему в глаза. Неловко опустила коробку на землю, раскрыла, откинула тряпку.

– Она моя. Разломаю, но не отдам.

Мужчина глубоко затянулся и едва заметно кивнул. Она

не могла объяснить, но при всей его отстранённости, Ане порой казалось, что отец одобряет её интерес к семейным вещам. Таким же кивком он дал добро на езду на мотоцикле. Правда, однажды выкатил его из гаража и бросил посреди ограды, когда она загнала его внутрь грязным. Они поняли друг друга. Тот жест девочка считала справедливым, особенно в череде бесконечного непонятного равнодушия.

Аня присела, с заметным усилием подняла своё громоздкое наследство и направилась за ворота. Васька тут же перехватил тяжёлую ношу и, не говоря ни слова, пристроился рядом. Им всегда было хорошо молчать вдвоём. До конца улицы так и дошли плечом к плечу в полной тишине. Она смотрела прямо перед собой, почти не моргая. Он не отвлекал, лишь искоса поглядывая на неё время от времени.

– Теперь не отвертись – сошью тебе фартук мастера со множеством карманов и отделений, десятков пар верхонок и кучу вафельных полотенец, – на одном выдохе выпалила она, когда они завернули в кривой переход между домами, чтобы срезать путь.

Он усмехнулся, пропуская её вперёд. Она оглянулась.

– Если не установишь нормальный умывальник в своём сарае, перетащу свою машинку туда и буду изводить тебя её бешеным стрекотом.

– Будет тебе рукомойник, договорщица, – парень удобнее перехватил коробку, – как только сделаешь первое к нему полотенце. И аппарат твой смажу сначала.

Девушка развернулась к нему лицом, продолжая идти спиной вперёд.

– Замётано!

В школе Аню побаивались, считали странной, но задирать не пытались. Училась она хорошо, ни к кому не лезла, успехами не бахвалилась, но отпор дать могла.

Последнее время мотоцикл превратился для неё в выходной отдых и проводил большую часть дней в Васькиной мастерской. Будни же заполнились уроками, тренировками в той же секции и занятиями с Марь-Михалной по шитью.

Серьёзный разговор между женщиной и девочкой состоялся ещё накануне девятого класса.

– Аня, ты уже думала, кем хочешь стать или чем заниматься после школы? – спросила воспитательница, пока они вдвоём трудились в огороде и убирали богатый урожай моркови.

– Шить хочу, как мама. В городе есть техникум. Буду готовиться – еще три года впереди – и пробовать туда поступить после школы.

Марь-Михална не шила одежду, но умела кроить простые вещи, мастерить игрушки, сумки, авоськи, делать смешные заплатки и вышивать. И как-то само собой сложилось, что толковая подопечная начала перенимать её навыки. Терпения обеим было не занимать – вдвоём у них и по хозяйству спорилось, и совместное рукоделие приносило радость и результаты.

Одновременно со спортивной секцией Аня посещала интересный ей художественный кружок, который бесплатно вели для детей в местном доме культуры: рисование, вышивка, аппликация, макраме. Всего по чуть-чуть, но ей нравилось. Позже, вместе с Марь-Михалной они придумывали более сложные узоры, совмещая разные техники, например, вышивая новые варежки для Алки.

Однажды на одном из таких занятий ребята делали открытку с выпуклым цветком, наклеивая лепестки придуманных форм друг за другом и соединяя их в многослойную композицию. Одна из девушек, которая считала себя непризнанной принцессой и не упускала случая покрасоваться за счёт других, сначала стянула у младшей их на год девчонки золотистую бумагу, затем скопировала трафарет для лепестков. Когда же её собственный цветок никак не хотел распускаться, а соседкин расцветал и пушился на глазах, она толкнула бутылочку с клеем, придавила её ребром ладони и притворно округлила глаза в недоумении, разглядывая, как вязкая масса превращает пышный цветок в слипшийся бумажный бутон. Не ожидавшая такого девочка готова была расплакаться, подружки королевны хихикали. Аня же развернулась на своём стуле, посмотрела на погибшую поделку, резко схватила вредительницу за длинную косу и вжала её кончик в клейкую лужу.

– Ненормальная, отпусти! – заверещала девчонка, пытаясь высвободить свои волосы.

– Ещё раз напакостишь, вылью на самую макушку и подправлю твою причёску по типу своей, – Аня швырнула испачканный хвост в ставшую пунцовой красотку. Подвинулась и переложила материалы испуганной девчонки к себе на стол, кивнув той головой пересаживаться.

В конце десятого класса в школе устроили финальную дискотеку. Все кучковались по классам, сбегая передохнуть в коридор и проветриться на улицу. Вася задержался в параллельном с ребятами, а, когда вернулся в свой, не нашёл там Аню. Узнал, что она ушла почти час назад, поэтому бежать за ней не было никакого смысла. Всё равно на следующее утро у них был уговор встретиться в его мастерской.

– Ты чего вчера ушла, не предупредив? – он ковырялся в мазутной цепи, пока Аня чистила инструменты.

– Скучно стало.

Вася вскинул голову.

– Ань, – подождал, когда она на него посмотрит, – что произошло?

Она молчала.

Он вытер руки тряпкой, вопросительно глядя на неё.

– Если бы тебе стало просто скучно, ты тем более бы нашла меня и утащила на берег реки.

Она кивнула.

– Начнём с того, что дискотека сразу была провальным для меня вариантом. Не моё это. Старцев меня пригласил потанцевать. Потанцевали. А он вдруг расхорохорился, толк-

нул меня за шкаф у окна и весь подбородок облизывал. Я вылила на него воду для цветов, что всегда на подоконнике отстаивается, врезала в ухо и ушла.

Вася плотно сжал челюсти и тряпку в кулаке.

– Ты сама в порядке?

Она удивлённо на него посмотрела.

– Конечно, только пол-лица горит, так оттиралась от его поцелуев.

Аня поймала взгляд Васьки, тёмный и неясно тяжёлый, опустившийся на её губы, и ощутила непонятную неловкость.

– А ты уже целовался? – спросила больше, чтобы отвлечься на их привычную болтовню.

– Бывало пару раз, – ощущение неловкости не проходило.

Он отбросил грязную ветошь.

– И тебе понравилось? – что-то заставляло Аню продолжать задавать эти спотыкающиеся на языке вопросы.

Парень поднялся с табурета, и ей вдруг захотелось сделать шаг назад. *Глупости*, одёрнула сама себя. Уж Васька точно не будет зажимать её по углам.

– Нормально, – ответил, продолжая пристально на неё смотреть.

Она тоже уставилась на губы своего друга. Повисла пауза. Он вдруг приблизился, не затронул её, лишь склонил голову и ткнулся губами в губы. Аня опешила, резко выдохнула через приоткрывшийся рот. Вася поймал её дыхание и поцело-

вал еще раз, немного иначе. Она попробовала ответить, укололась об его пробившиеся за ночь усы, вспыхнула и дёрнулась назад. Он не стал её удерживать, только задышал чаще.

– Видишь, слюни необязательно распускать, – произнёс как-то глухо и кривовато улыбнулся.

Она сделала, наконец, полный вдох и тоже улыбнулась.

– Да уж, обойдёмся без них.

Васька снова занялся цепью. Аня закончила с инструментами, так и не сумев полностью избавиться от чувства неловкости. В итоге сослалась на домашнюю работу и улизнула домой.

Она укрылась ото всех на сеннике, который продолжал оставаться её любимым местом. До самых холодов обычно там ночевала. Корову они давно перестали держать. Васька помог вычистить старое сено и укрепить пол. Сколотил топчан и столик-тумбу. Летом они вместе натаскивали в один угол свежего сена. Аня развешивала на балках пучки мяты, полыни, берёзовые веники. Она любила этот заполняющий собой всё вокруг запах трав, который становился гуще в ночной тишине, отдавая накопленное за день солнечное тепло.

В тот вечер она долго не могла заснуть. Прокручивала мысленно их с Васькой разговор, поцелуй и как он произошёл. Внутри что-то давило и мешало спокойно улечься. Перед глазами снова и снова возникал взгляд Васьки, который смотрел на неё совсем по-другому. И её смутил именно он, а не всё остальное. Он никогда так на неё не смотрел, чтобы

ей одновременно было приятно и не по себе. Она выбралась на крышу подзавалившейся стайки и долго сидела, обхватив коленки и уставившись в темноту. Больше никаких поцелуев с Васькой, иначе она потеряет своего самого лучшего в мире друга.

5 глава. Действительно настоящее

После того поцелуя в мастерской они не виделись целый день. Вечером Аня развешивала выстиранное постельное бельё на натянутых во дворе верёвках. Васька просто появился с другой стороны расправляемой простыни, взялся за концы следующего на очереди пододеяльника и кинул ей противоположную часть. Она поймала. Они растянули полотно, хорошенько растрясали его, сложили вдвое и Вася раскинул его на новом ряду. Слаженно и без слов они разобрали весь таз, выбрались из-под развевающихся парусов.

– Вот так же без напрягов идём дальше, – тихо, но очень чётко проговорил Васька.

Аня наконец посмотрела ему прямо в глаза.

– Мир, дружба, жвачка, – он сунул руку в карман и протянул ей на открытой ладони её любимую «Свежую мяту».

Она взяла маленькую упаковку, отсыпала ему две белых подушечки и улыбнулась, чувствуя, как внутри немного расслабляется тугой узел.

Итоговые экзамены пролетели в какой-то волнительной собранности. Вроде бы всё знакомо, и в то же время накачивало ощущение финальности и предвкушения, что же там дальше.

После выпускного Аня с Васькой сидели на старых качелях на школьной площадке. На них явно качались ещё их

родители. Турники меняли, разметку на дорожках обновляли, корт обзавелся новыми хоккейными воротами, а качели, как и бюст Ленина, оставались неизменной постоянной величиной.

– Помнишь, как мы познакомились на этих качелях? – Вася сильнее оттолкнулся от земли.

– Конечно, – Аня продолжила слегка покачиваться. – Я успела занять свои первой, а тебе пришлось подождать.

– Ну, за тобой бы я точно не дождался своей очереди, – Вася задал себе небольшую амплитуду.

– Тогда ты этого ещё не знал, а мне стало жутко интересно проверить твоё терпение, – Аня мягко прогнулась всем корпусом, поддерживая плавное качание.

– И как долго я смогу задерживать дыхание, когда ты взлетала в полусолнце, – беззлобно заметил он. – Увы, соседние освободились раньше.

– Совсем не увы, а слава Богу, иначе бы не познакомились, – возразила девушка.

– Познакомились бы, – уверенно проговорил парень и откинул назад голову.

Они долго молча качались. Лишь скрип заржавевших цепей да шорох ветра звучали в тишине. Вася резко спрыгнул на землю и встал перед ней.

– За мотоцикл не волнуйся. Я присмотрю. Просто приезжай на выходные хотя бы иногда.

Она протянула к нему обе руки. Он принял их и придер-

жал её, пока Аня соскальзывала вниз с сидухи.

– Приеду, – пожалла надёжные крепкие пальцы, отняла руки и направилась к дорожке.

Васька оставался в деревне.

Он подал документы на заочное отделение, потому что не мог оставить родителей. Они не держали, но он принял решение. Оба на инвалидности: отец с отнятой до колена ногой, мать – сердечница. Будучи самоучкой на практике, он мог сам давать уроки механикам-теоретикам, но корочки об образовании еще никому не помешали. Благодаря упорству матери, с особой тщательностью собиравшей все справки, свидетельства и прочие документы, и тётке-врачихе, подтвердившей ту самую не пригодную для службы степень плоскостопия, Ваську не забрали в армию. Не факт, что не будет новой попытки, но на грядущий год отсрочка точно была обеспечена. По достижению восемнадцати лет он устроился в автосервис. Хотя многие клиенты старались попасть к нему лично в его дворовую мастерскую и с машинами, и рабочей техникой, и по бытовым мелочам. Отец был на подхвате и гордился такой опорой семьи. Мать тихо радовалась, что её мальчик здоров и никакой долг родине выплачивать не придётся.

Аня собиралась уехать в город.

По весне она с семьёй Марии Михайловны ездила на день открытых дверей в техникум. Та поездка получилась сплошным праздником. Пока Аня с Марь-Михалной знакомилась

с требованиями и бродила по зданию, дядя Коля с Димкой и Алкой съездили в магазин за компьютером. После они обедали в небольшом кафе, заказав детям огромную пищу, одинаково вкусную на запах и вкус. Прокатились на чёртовом колесе в парке развлечений, вертя головой во все стороны и замирая на самом верху в желании побыть ещё чуть-чуть на этой вершинке мира.

Теперь экзамены остались позади. Все документы поданы, дистанционное тестирование пройдено. Неожиданно её незавидное положение в семье превратилось хоть в какой-то плюс. Марь-Михална настойчиво складывала в отдельную папку разные выписки и копии, заставила отца Ани получить несколько подтверждений о доходе и жилищных условиях. Девушка не вмешивалась. Ей по-прежнему было стыдно выносить изнанку за пределы дома. Однако, все эти бумажки сработали. Они надеялись на бюджетное место, возможность стипендии, и по общежитию, в случае зачисления, не будет лишних вопросов. *«Конструирование, моделирование и технология швейных изделий»* – её детская мечта приобрела весомое звучное название, которое Аня проговаривала шёпотом вслух. Так она становилось чем-то действительно настоящим.

Оставалось дождаться результатов поступления и можно ехать. Хотя Аня для себя решила уезжать в любом случае. Если она провалится в этом году, то снимет недорогое жильё. Хоромы ей не нужны. На пару месяцев скромного про-

живания и экономных расходов ей хватит своих сбережений. Будет ходить на подготовительные курсы и обязательно найдёт работу. Разнорабочие всегда нужны, а работы она не боялась. Если же её зачислят, то устроится в общежитие. И всё равно подыщет почасовую работу.

Подрабатывать Аня начала рано. Официально, конечно, нигде не брали. Никому не нужны проблемы с несовершеннолетней. Но администрация посёлка привлекала подростков и молодёжь к сбору листьев и мусора в сквере и на площади перед зданием управы. Марь-Михалне частенько помогала нянечкой. Не с детьми, а постельное собрать, подносы унести, материалы к поделкам приготовить. В школе домашние задания с младшими ребятами выполняла и тоже денежку «на шоколадку» получала. Всё откладывала на мечту. Дома прятать боялась и оставляла в шкатулке у Марь-Михалны. У отца деньги не просила, только в самом крайнем случае, когда в классе объявлялся очередной сбор. Но он выдавал сам перед школой на тетрадки. Раз в месяц мог сунуть немного на девчачьи приблуды. Старый телефон махехи ей отдал. И каждый новый сезон, когда меняли гардероб, обновлял ей то, из чего успела вырасти. Никогда её не баловал, но хуже других она не ходила. Хотя бывали моменты, особенно в начальной школе, когда она готова была и малую кофту натянуть, лишь бы он её не только никак или Анькой, но и дочей назвал.

Аню зачислили. Отец с нечитаемым выражением лица

кивнул. Мачеха растерянно лыбилась, то ли радуясь, что окончательно избавится от падчерицы, то ли сожалея, что лишится рабочей силы. Марь-Михална устроила праздничный ужин, во время которого слишком часто вскакивала из-за стола принести добавку, сменить тарелки, пополнить салфетки и постоянно прятала блестящие глаза. Васька кратко поздравил, выкатил их мотоциклы. Они приехали к обрыву у реки. Парень пальнул из раздобытой где-то бутылки шампанского высоко в воздух, пролив пеной не меньше трети. Ребята смотрели вдаль, по очереди пили шипучую жидкость из горлышка, откусывали от одного на двоих яблока, а потом Васька смеялся, наблюдая, как она пинала воздух и топтала траву на самом краю. Смеялся и держал её сандалии.

Накануне отъезда Мария Михайловна помогла Ане оформить банковскую карточку и положить на счёт все накопленные за несколько лет богатства.

Автобус по расписанию уезжал рано утром. Аня собралась, постояла перед закрытыми дверями родительской спальни и тихонько выскользнула на улицу. За воротами ждал Васька. Она нахмурилась.

– Вась, мы же дог...

– Я всё равно провожу, – перебил её, забрал рюкзак и зашагал прочь.

Они специально свернули к детскому садику. Аня забежала внутрь, где Марь-Михална уже принимала первых деток. Они обнялись. Женщина поцеловала её в лоб и перекрести-

ла.

До маленького вокзала дошли быстро. Васька молчал. Аня тоже. Объявили посадку. Он опустил её сумку на землю. Она шагнула к нему. Вася привлёк её к себе осторожно, уткнулся в темечко и поцеловал волосы. Аня смутилась, прильнула к нему на секунду, прошептала *«пока»*, подхватила рюкзак и сбежала в автобус.

Путь до города занимал около четырёх часов, с парой остановок добрать пассажиров и сделать санитарный перерыв. От прощания с Васькой ком стоял в горле. Она не могла ответить ему большей взаимностью. Он не настаивал. Только Аня чувствовала, что *он ей брат, а вот она ему совсем не сестра*.

Не успела девушка взять себя в руки, как пикинуло сообщение в телефоне. Пришло уведомление о новом пополнении счёта с комментарием от Марь-Михалны *«С вступлением во взрослую жизнь, Анечка»*. Она прижалась лбом к прохладному стеклу окна, и слёзы, так старательно сдерживаемые и отгоняемые даже ночью наедине с собой, нашли свой выход. Собирались у носа, сползали по щекам и капали куда-то вниз.

Отец дал денег на билет до города, на еду и... на обратный билет. Дело было не в сумме. Он не верил в неё. А Марь-Михална верила и давала путёвку в будущее. Аня глубоко вдохнула, вытерла мокрое лицо и откинулась на спинку потёртого кресла. Она не знала, что её ждёт в городе, но зна-

ла, что у неё есть тыл, который поддержит в любом случае, а ведь это уже очень много.

6 глава. Движение

Деревня полна шевеления, несильного и прерывистого. Качнётся ветка, пройдёт рябь по воде, задрожит воздух, что-то прошуршит, зазвенит, нашепчет – и снова тихо, правит покой и неспешность. Город, напротив, в постоянном движении, динамичном, активном, словно в режиме ускорения. Даже когда человек останавливается, он сам и всё вокруг продолжает двигаться, спешить, переговариваться, день и ночь перетекают друг в друга, немного сбавляют темп, но сохраняют ритм, воруя мгновения, чтобы чуть-чуть передохнуть.

Удивительно, но Аня довольно быстро влилась в городскую круговерть. Столько всего предстояло узнать, успеть, уловить. Правда, поначалу сон сбился. Шум улицы и общезжития, куча новой информации, адаптация к жизни самой по себе в незнакомом месте не прошли бесследно. Она скучала по широкому воздуху – именно так, в городе он сдавлен. По мотоциклу – она бы уже полгорода объездила, будь он здесь. Как ни странно, скучала по своему сеннику в отцовском дворе. И безусловно – по Марь-Михалне и Ваське. Переписывалась с ними, иногда созванивалась и обещала приехать на выходные, как только обустроится и освоится.

Неожиданно Аня обнаружила, что у дружбы может быть своё имя. В её жизни появился еще один Вася, вернее, по-

явилась.

В общежитии девушку заселили в крошечную комнатушку на двух человек на втором этаже. Как выяснилось позже, эта клетушка служила раньше каким-то хозяйственным отделением, но в целях увеличения количества мест помещение со странным узким окном превратили в жилое. Две кровати, две тумбочки, за шторкой ниша с полками и небольшой штангой для одежды на вешалках-плечиках, между кроватями перед окном квадратный маленький стол и один стул. Приятно удивил свежий ремонт. Видимо, переделка состоялась накануне нового учебного года, о чём говорили выкрашенные в кремовый цвет стены и ровный линолеум на полу.

Аня прошла, выбрала левую кровать, поставила на пол рюкзак и осмотрелась. Буквально следом за ней в комнату ввалилась расфуфыренная девица, бросила вещи и громкий привет и убежала куда-то. Вскоре она вернулась в компании еще одной такой же разукрашенной подруги и тихой, бледной на их фоне, девочки.

– Не против, если мы тут поменяемся местами? – обратилась шустрая девушка к Ане.

Она пожала плечами, разглядывая необычную троицу. Подружки сгребли вещи и скрылись за дверью, от души хлопнув ею на прощание. Новая соседка присела на край кровати и внимательно посмотрела на Аню. Так она познакомилась с Василисой.

– Вася, значит, – Анька не могла удержать расплывающуюся

юся улыбку.

Девчонка кивнула светловолосой головой и робко улыбнулась в ответ.

Василиса приехала из пригорода. Спокойная и воздушная, она бы точно не ужилась с теми девицами. Аня и Вася обе были худенькие, небольшие, но если первая более спортивного склада, то вторая вся плавная и округлая. Пока Аня инспектировала матрасы, решая какой стороной положить их вверх, Вася расставляла на тумбочке фотографии мамы и младшей сестрёнки. Одна поступила на швею, другая – на повара. Одна не знала, что такое дружить с девочками, другая же была само воплощение этой самой девочки. Они сошлись и постепенно сблизились.

Притирка с соседками через стенку оказалась затяжной.

Однажды ночью нарисованные брови громко врубили музыку. Василиса тихо вздохнула и укрылась одеялом с головой. Аня постучала кулаком в стену. Получила прибавку звука и поднялась. Расчехлила перевезенную к тому времени дядей Колей машинку и начала строчить. Музыка стихала – она останавливала маховик. Динамики начинали орать – она возобновляла прокладывать дорожки швов.

– Спать невозможно, – подмигнула наблюдающей за ней Василисе, – будем шуметь.

Через некоторое время, в двери их комнаты и соседней раздался требовательный стук. На пороге стояла разгневанная и явно только что разбуженная комендант.

– Совсем ополоумели! На часы смотрели?

Начали приоткрываться двери других комнат. Кто-то смотрел открыто, кто-то якобы незаметно подглядывал. Аня вышла в коридор. Дождалась, когда дежурная мадам вытаскила наружу Лариску, одну из неразлучных крикливых подружек.

– Ну и кто кому из вас сильнее мешал? – женщина задала вопрос, демонстративно скрестив руки на груди.

Лариса уставилась на Аньку, слегка прищурившись, но не успела ничего сказать.

– Мы друг другу нисколько, а вот всем остальным, – Аня скользнула взглядом по высунувшимся головам, – получает-ся, мешали вместе.

Лариска перестала щуриться. Комендантша махнула рукой, разгоняя всех по комнатам.

– Чтоб больше никакого шума! – и удалилась.

– Типа благородная такая? – с издёвкой процедила Лариска.

– Я не стучу. Типа. Предпочитаю сама разбираться, – Аня вернулась в свою комнату.

– Ты смелая, – прошептала в темноте Василиса.

– Я тоже много чего боюсь, – Аня взбила плоскую подушку, – но не таких Ларисок. Спи давай, вставать скоро.

Через неделю Вася вернулась с учёбы и обнаружила, что их дверь густо обсыпана мукой. Когда пришла Аня, она успела отмыть почти половину.

– Что за художества? – поинтересовалась у подруги.

– Кто-то решил глупо подшутить, – продолжила стирать разводы Василиса.

Анька вошла к себе, взяла совок, высыпала в него всю оставшуюся у них в пачке муку, перешагнула через ведро с белесой водой и постучала к соседям. Прошла положенная минута ожидания и дверь медленно открыли. Аня, не раздумывая, вбросила содержимое совка внутрь.

– Совсем страх потеряла?! – прозвучал задохнувшийся возглас Лариски.

– Ты же помнишь, я не стучу, я разбираюсь сама. Сразу, без долгих выяснений.

В последующие дни наступило затишье. То самое, перед бурей. Вася дрейфила ходить одна в душ. Отсеков было два, поэтому Аня ходила вместе с ней. В очередной заход, они отёрнули шторы и увидели свою одежду тщательно впечатанной в лужу на полу. Вася поджала губы и покачала головой, заворачиваясь в полотенце. Аня выловила трусы и футболку, натянула, как были, не вытираясь и ничего не отжимая. Оставляя за собой мокрые следы, босиком направилась в нужную ей комнату. В коридоре раздались пошлые шутки и присвистывания. Она без стука распахнула дверь в комнату соседок. Оля красилась перед зеркалом. Лариска валялась на кровати уже при полном марафете, третья девчонка отсутствовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.